

Философский дискурс и политический
реализм:

Глобальный Запад

Наследие XX века

Эссе, написанное доктором Стефаном Хёглем

Призыв философа

Непроверенный перевод, сгенерированный программным обеспечением

Editio primae quartae partis saeculi

СОДЕРЖАНИЕ

Философия, история, политика: политический реализм и глобальный Запад
5

Глобальный Запад: философия и видение универсального суверенитета 7

Аксиомы Запада 18

Эпилог: три максимы на ближайшие четверть века 19

Что бы ни говорила обо мне история после моей смерти, я надеюсь, что она запишет, что я апеллировал к вашим лучшим надеждам, а не к вашим худшим страхам, к вашей уверенности, а не к вашим сомнениям. Я мечтаю, чтобы вы шли по пути, освещаемому светом свободы и поддерживаемому возможностями.

Рональд Рейган (1911-2004)¹

Amicis libertatis dedicatum

¹ Из речи на Республиканском национальном съезде 17 августа 1992 года. Рональд Рейган был 40-м президентом США и инициировал далеко идущий процесс разрядки в отношениях с тогдашним лидером Советского Союза Михаилом Горбачевым.

Циники считают ценности равноценными и инструментальными. Государственные деятели основывают практические решения на моральных убеждениях. ... Для меня разумное определение реальной политики заключается в том, что существуют объективные обстоятельства, без которых невозможно проводить внешнюю политику. Пытаться решать судьбу наций, не учитывая обстоятельства, с которыми они сталкиваются, — это эскапизм.¹

Генри А. Киссинджер (1923-2023)

Философия – История – Политика: Политический реализм и глобальный Запад

Редко в конце исторической эпохи философия, политика и мировая история были так драматично переплетены, как в XX веке, последствия которого мы ощущаем до сих пор. Даже через четверть века после его календарного окончания его наследие едва заметно, поэтому многочисленные политические конфликты не дают признаков ослабления. Это особенно очевидно на мировой политической арене, где сформировались многочисленные напряженности и фронты. Сложность ситуации сейчас ставит многих современников в тупик, а прежняя надежда на лучшее будущее давно уступила место чувству безысходности.

В частности, в международных отношениях нам нужны политики, которые не руководствуются нечестными амбициями, а выполняют свои обязанности с личной ответственностью и необходимой дальновидностью, другими словами, которые понимают *реальную политику*. Если, как сказал в приведенной выше цитате Генри Киссинджер, который считается политиком-реалистом *par excellence*, это означает учет объективных условий, то нам нужен рулевой, который руководствуется текущими обстоятельствами, то есть реальностью.

Действительно, любой, кто хочет управлять кораблем в опасных водах, должен всегда следить за другими кораблями, своим собственным потенциалом и возможностями потенциальных врагов. Рулевой будет

¹ Из интервью журналу DER SPIEGEL (28/2009) от 5 июля 2009 года.

обращать внимание на все, что может иметь значение. Для него важны факты, реальные обстоятельства: реалистичная перспектива.

Однако его идеалистический ум осмеливается заглянуть за горизонт океана — в его груди бьются две души². Даже в бурном море он ищет острова надежды и уверенности. При свете луны капитан напевает песни о мире и дружбе, гимны всемирного братства, трогающие его сердце. Но штормы бурного моря заглушают нежные мелодии. Идеалы подобны взгляду на звездное ночное небо: кто знает, найдут ли все в них одно и то же послание?

В противостоянии фактов и видений между фронтами возникло третье измерение, о котором опытные рулевые должны помнить: условия в глубинах вод — водовороты и течения, которые нелегко увидеть, но которые, несомненно, присутствуют. Это проявления воды, ее элементарных свойств, теперь в большом масштабе. На реках, озерах и морях ее поведение является частью реальности и, таким образом, влияет на навигацию.

Взгляд в глубину на самом деле означает взгляд на человеческую природу, человеческое состояние — *conditio humana*. Как можно пытаться понять суть политики, игнорируя людей как ее основу? Конечно, экзистенциальные вопросы изначально относятся к философско-теологической сфере, часто имеющей индивидуальное значение. Однако в конечном итоге человеческая природа вплетена в более широкое мировоззрение, имеющее далеко идущее значение. Но что, если из этой глубины реальности можно различить течения, которые образуют фиксированную константу — и поэтому являются реальными?

Идеалистическая теория будет стремиться к философскому дискурсу просто для того, чтобы не потерять опору, учитывая, что она всегда должна иметь в виду оптимальный вариант. Но политический реализм должен будет сосредоточиться еще больше на человеческом состоянии: меньше анализировать фундаментальные экзистенциальные вопросы, а больше быть способным рассчитывать практические последствия. Только когда будут учтены все измерения реальности, можно будет говорить о *настоящей реальной политике*.

Эта работа посвящена именно такому всеобъемлющему взгляду. *Глобальный Запад* особым образом связан с историей XX века, хотя его корни уходят далеко в прошлое. Его основы тесно связаны с человеческим состоянием, а его политические, особенно геополитические, последствия указывают путь к эпохе, которую пока невозможно предсказать. Концептуальный и содержательный анализ приводит к фундаментальным аксиомам Запада и перечисляет максимы, которые *реальная реальная политика* должна учитывать в будущем.

² Киссинджер: «Нет реализма без элемента идеализма».

Глобальный Запад Философия и видение универсального суверенитета

Конфронтация и риторика

В политическую сферу вошел новый термин: *глобальный Запад*. Ему предшествуют два понятия, которые стали популярными только в последнее десятилетие XX века: *глобализация*, появившаяся как описание растущей глобальной взаимосвязанности и взаимозависимости, и *глобальный Юг*, более дружественный термин для обозначения развивающихся стран.³

Разговоры о *глобальном Западе* начались только постепенно после начала нового тысячелетия и теперь вошли в политический, и в частности геополитический, язык. Обычно он относится ко всем тем государствам, которые когда-то классифицировались как часть *западного мира* или *Запада*, в то время, когда конфликт между Востоком и Западом доминировал во второй половине XX века. На западной стороне находились либеральные демократии, промышленно развитые страны с конституционными правительствами во главе с Соединенными Штатами, которым на востоке противостояли союзники Советского Союза. Когда разделение Европы подошло к концу, вскоре заговорили о глобализации, и не только в отношении мировой торговли. Мир, казалось, превратился в глобальную деревню, в которой теперь можно было лучше решать проблемы планеты. В рамках таких организаций, как ООН, конечной целью было создание «глобальной внутренней политики»⁴. Таким образом, 1990-е годы стали десятилетием относительной разрядки.

Сейчас, спустя десятилетия, когда люди говорят о «глобальном Западе», это обычно является риторической атакой со стороны авторитарных⁵ и тоталитарных государств. Они пытаются создать образ мощного, глобально активного альянса, представляющего угрозу для всех других государств. Им противостоят страны Глобального Юга, неопределенно очерченная группа стран, которые имеют разные амбиции, но в любом случае не считаются частью Глобального Запада, а скорее его жертвами. В случае сомнений

³ Хотя оба термина можно проследить до 1950-х и 1960-х годов, до 1980-х годов они использовались лишь изредка. То же самое относится и к термину «Глобальный Север».

⁴ Хотя этот термин был впервые использован в 1963 году физиком и философом Карлом Фридрихом фон Вайцекером, он стал популярным только с демократическими переменами в Европе.

⁵ С критической точки зрения, этот термин является эвфемизмом, который вызывает ассоциации с авторитарным воспитанием, но который, тем не менее, может характеризоваться определенной привязанностью и уважением к детям. Термин «авторитарный» для диктатур, попирающих достоинство и права личности, обусловлен широко распространенной *политической корректностью*, что очевидно с точки зрения содержания.

авторитарные государства относят себя к Глобальному Югу или, по крайней мере, заявляют о своей солидарности с ним.

Эта предполагаемая глобальная оппозиция напоминает конфликт между Севером и Югом, который в XX веке использовался для описания отношений между промышленно развитыми и развивающимися странами. Помимо описания неравенства, основное внимание всегда уделялось ответственности за эти условия, которая часто приписывалась промышленно развитым странам.

Если бы сегодня речь шла только о распределении глобального богатства, было бы более уместно говорить о «глобальном Севере», хотя даже этот термин был бы подходящим лишь в ограниченной степени. Однако он не существует в общем употреблении, как и «глобальный Восток», который мог бы служить собирательным термином для социалистических или коммунистически ориентированных государств. На самом деле речь идет ни о богатстве, ни об идеологических пережитках эпохи холодной войны. В конечном счете, «Глобальный Юг» — это неудобный термин, который призван служить антигезой риторически демонизированному Западу и поэтому является максимально расплывчатым и неоднозначным: он относится к оси авторитарных государств, которые, хотя и не являются однородными по своему составу, отстаивают свою отличительность от Западу и часто стремятся представить себя в качестве лучшей альтернативы.⁶

География и история

Вдали от сегодняшней политизации Западу, его концептуальное происхождение лежит в первую очередь в евроцентричной картографии, которая также сформировала дискурс о Западе и Востоке. Восток — страна восходящего солнца — противопоставляется Западу, где солнце снова заходит⁷. Заканчивается ли Запад Атлантическим океаном или — после открытия Нового Света — США, может быть предметом спора, как и то, находится ли Восток на Аравийском полуострове или в далекой Японии. В конечном счете, каждая точка на Земле имеет свои индивидуальные и, следовательно, относительные ориентиры, так что разговор о Западе в этом контексте имеет исторические коннотации.

В ходе новейшей истории то, что когда-то было географическим контрастом, превратилось в идеологическое противостояние, которое теперь приобрело

⁶ Центральные политические термины также подвержены конкуренции. Например, китайское правительство отреагировало на «Саммит за демократию», открытый президентом США Байденом в 2021 году, документом под названием «Демократия, которая работает».

⁷ Древнегреческое *ἑσπερος* / *hesperos* (вечер) и латинское *vesper* (вечер) происходят от индоевропейского корня *wes- (вечер/ночь).

геополитическое значение. Однако причины и тенденции настолько разнообразны и противоречивы, что первоначальный антагонизм уже давно перешел в фазу, выходящую за рамки конкретных регионов или религий.

Даже часто цитируемое противопоставление религий Запада и Востока при детальном рассмотрении оказывается гораздо более нюансированным.⁸

Различие между научным Западом и не прогрессивным Востоком также ограничено. В зависимости от региона и культурного круга, этот контраст был и остается заметным, часто с значительной остротой. Однако это относится и к другим континентам и обществам. Исторически различные изобретения зародились на Востоке, а философские труды достигли Европы через завоеванную арабами Испанию, которая с XVI века стала лидером в развивающихся науках.

В этом контексте немецкий социолог Макс Вебер проводил различие между экономическими системами Востока и Запада, приписывая последнему высокую степень рационализации. Вместо личных отношений рыночную деятельность диктовали трезвые расчеты цен, что повышало эффективность производства. В XX веке успех западных индустриальных стран вызвал интерес многих стран, которые также хотели модернизироваться в этом направлении, то есть развивать свой потенциал⁹. С другой стороны, увлечение казавшимися далекими культурами Востока (и за его пределами) имеет давнюю традицию в Европе.

Несмотря на все противоречивые тенденции и события, одно остается ясным: в основе сегодняшнего противостояния лежат не разные религиозные традиции, архитектура, языки или обычаи. Они могут сопровождать и иллюстрировать некоторые контрасты, но корни лежат гораздо глубже и давно отделились от географии. Речь идет об экзистенциальных вопросах человечества и ответах, которые дает философия.

Философия и политика

Когда сегодня мы определяем колыбель философии в Древней Греции, мы делаем это, зная, что различные идеи и концепции возникали во многих культурах, возможно, обсуждались, но, возможно, никогда не были

⁸Конечно, христианско-монотеистический Запад можно в общих чертах противопоставить преимущественно индуистскому и буддийскому Востоку — в течение определенного периода истории и в пределах географических границ. Однако нельзя игнорировать противоположные тенденции, как монотеистические течения в древнем Египте, Персии и религии Востока, так и пантеистические течения, например, в западном мире.

⁹ В этом отношении термин «развивающаяся страна» изначально несет в себе надежду на будущее; цель развития, естественно, относится к экономическим и политико-философским целям.

записаны. Эти события становятся исторически осязаемыми только тогда, когда пути мысли не заканчиваются бесследно, а находят свое отражение в обществе и передаются из поколения в поколение.¹⁰ В этом отношении греческие философы совершили исторический прорыв. То, как они размышляли о связи между миром и положением человечества, навсегда обеспечило им место в учебниках истории. Именно здесь находят свою историческую отправную точку естественные и гуманитарные науки, именно здесь лежат философские основы *глобального Запада*, и именно здесь можно найти происхождение его названия.

Греческая философия процветала, когда культурный обмен в Средиземноморском регионе в сочетании с оживленной торговлей товарами создавал климат, в котором могла вестись свободная дискуссия по экзистенциальным вопросам. Легенды, переданные Гомером, остались в далеком прошлом, и смелые мыслители искали новые ответы на старые вопросы.

Первым шагом на этом новом пути является объяснение природы и ее процессов. Появляются первые теории о первоначальных веществах и элементах, но их невозможно проверить из-за отсутствия технического оборудования. В конце концов, однако, остается нечто большее, чем просто спекуляции: фундаментальные возможности — атомы, элементы, первоначальные принципы — уже формулируются в эту эпоху, за два с половиной тысячелетия до появления современной физики.

Второй столп греческой философии касается природы человека, которая влияет на него как на личность и в его роли в обществе. Он затрагивает фундаментальные вопросы знания, справедливой жизни и сосуществования в сообществе. Таким образом, в самом широком смысле дискурс определяют вопросы политики¹¹ и этики. Здесь также разрабатываются модели, которые составляют основу современных теорий. Таким образом, греческая философия в целом обеспечивает центральную интеллектуальную основу *западной культуры*.¹²

¹⁰ Традиции философских концепций можно найти – независимо друг от друга – во многих развитых цивилизациях. Философ Карл Ясперс также называл период с 800 по 200 год до нашей эры «осевым веком», поскольку центральные философские основы «возникли почти одновременно в Китае, Индии и на Западе в течение этих нескольких столетий, без взаимного знания друг о друге». (*Происхождение и цель истории*, 1949, 20).

¹¹ *Политика* здесь понимается в широком смысле согласно Аристотелю, который описывал людей как *zoon politikon* (социальные существа).

¹² К этому добавляются принципы римского права и, в Европе, влияние иудео-христианской религии. Эти три фактора считаются основополагающими столпами Европы. Конец греко-римской античности часто связывают с закрытием Академии Платона в Афинах в 529 году, в то время как в Монтекассино был основан первый бенедиктинский монастырь — века в истории европейского средневековья, находившегося под влиянием христианства.

Еще одно новое начало ознаменовало эпоху Великих географических открытий. В конце средневековья рост торговли, как и когда-то в Древней Греции, был связан с процветанием городов, богатство которых позволяло развиваться науке и культуре. По всей Европе были основаны университеты. С появлением естественных наук стало все более возможным расшифровывать законы природы, исследовать неизвестные регионы и находить новые пути вокруг земного шара. Начало исследований вскоре привело к беспрецедентным достижениям во всех областях технологии, медицины и производства товаров повседневного спроса — развитие, которое продолжается и по сей день. Научный прогресс и его плоды с тех пор формируют жизнь людей и стали отличительной чертой *западного* образа жизни.

Однако исследования и наука являются универсальным явлением. Хотя они и сделали свой прорыв в европейско-западной культуре, можно предвидеть, что научный подход к миру в теории и на практике однажды станет само собой разумеющимся во всем мире.

Однако научный прогресс и его плоды являются лишь одной из составляющих «западной идентичности». Конститутивным для *Запада* является понимание человека как индивидуального субъекта, обладающего незыблемыми правами на свободу в своей частной сфере и правом участвовать в принятии политических и социальных решений. В то время как государственная власть по сути проистекает из воли суверена — народа, личная суверенность индивидуума проистекает из незыблемого человеческого достоинства.

От самых ранних размышлений о природе человека, через греческую философию и эпоху Просвещения, до сегодняшнего «западного» понимания — это был долгий путь, сопровождавшийся многочисленными противоречиями и неудачами. И все же, в конечном счете, именно это представление о человеке лежит в основе свободолобивого и демократического общества. В таком обществе задача государства состоит в том, чтобы обеспечить индивидуальные свободы каждого человека и гарантировать демократическое происхождение всей политики с помощью соответствующих процедур. Поскольку законы и правила необходимы на практике, как и суды и органы власти, «западное» государство может существовать только как конституционное государство, а не как свободное и не имеющее обязательной силы сообщество. Люди должны быть уверены, что их достоинство и права будут защищены в любое время.

Суверенитет и суверенитеты: окончательное обоснование

Запад опирается на изложенную концепцию человеческого достоинства и личного и политического суверенитета как на философскую концепцию, но

также и как на политическую, даже геополитическую парадигму¹³. Концепция человечества — и ее окончательное обоснование — определяет, какой политический, социальный, экономический и культурный порядок соответствует человеческой природе. Мы можем быть так же уверены в том, что этот порядок будет преобладать со временем, как и в том, что научное мировоззрение, соответствующее природе нашей Вселенной, будет преобладать.

Наиболее популярное возражение исходит из области естественных наук и может быть сформулировано следующим образом: поскольку все процессы во Вселенной происходят в соответствии с физическими законами, это также относится ко всем телам, живым существам и людям. От сердцебиения до самых тонких процессов в мозге — все имеет чисто физическую природу и является частью длинной и сложной цепочки причин и следствий, подобной часовому механизму, только в области биологии. У людей нет ни тонкой души, ни свободы воли, выходящей за рамки законов природы, и никакого достоинства также не может быть установлено. То, что недоступно научным исследованиям, не является реальным.¹⁴

Хотя это «натуралистическое» мировоззрение приобретает все больше сторонников с ростом успехов науки, оно имеет фундаментальный недостаток. Даже если оно неоднократно создает впечатление физической теории, результата многолетних исследований, так сказать, на самом деле все обстоит с точностью до наоборот. Вопрос о пределах физического мировоззрения больше не является физическим вопросом, а философским, и поэтому существует на совершенно другом уровне.

В философской дискуссии, о которой здесь можно только намекнуть¹⁵, возникают значительные проблемы при попытке свести свободу воли и человеческое сознание к нейронным процессам или перевести этические вопросы в чисто психологические состояния. Однако натуралистический взгляд на человечество должен отвергать моральные и эстетические вопросы как бессмысленные пустые концепции¹⁶, а стремление человека к справедливости и поиск смысла — как сложные галлюцинации и проекции

¹³ Концепция парадигмы как всеобъемлющей рамки для интерпретации и понимания кажется особенно оправданной в данном случае, поскольку, помимо научно-теоретического уровня (откуда она и происходит — см. Томас Кун, 1962), она затрагивает также экзистенциальные, практические и (гео)политические основы.

¹⁴ Дэвид Льюис (1983, 361): «*Мир такой, каким его описывает физика, и больше нечего сказать*». Эта позиция имеет несколько названий, таких как материализм, позитивизм или эмпиризм, но по сути всегда исходит из одних и тех же предположений.

¹⁵ Некоторые дополнительные соображения можно найти в отдельном прологе к этому эссе.

¹⁶ «*Когда позитивистский разум доминирует в этой области, исключая все остальное... тогда классические источники знаний для этики и права исключаются*» — Бенедикт XVI в своем обращении к немецкому Бундестагу 22 сентября 2011 года.

мозга, который, в свою очередь, является чрезвычайно сложным аппаратом¹⁷, в конечном счете определяемым биохимическими причинно-следственными связями, который контролирует организм. Самооценка человека как автономного существа, следовательно, обязательно предполагает, что, помимо физических процессов, существует трансцендентная реальность, которая обеспечивает основу для человеческого духа, достоинства и свободы. Кстати, это также относится к физическому устройству мира, причины которого не могут быть снова физическими. В конечном счете, происхождение физического мира — это не физическая теория, а фундаментальный философский вопрос.

Подводя итог, можно сказать, что великие экзистенциальные вопросы человечества, как их сформулировал Кант¹⁸, выходят за рамки интерпретации физики.

Наконец, следует отметить, что натуралистическая парадигма является весьма противоречивой, поскольку все люди, даже ее последователи и сторонники, в повседневной жизни действуют так, как будто они принимают этические решения или занимаются наукой по своей собственной воле и извлекают секреты из мира. Чем сложнее становятся дискуссии, тем более абсурдным кажется, что только неврологические программы определяют ход и взаимодействие дискуссии.

Не желая обсуждать конкретные философские или религиозные концепции на данном этапе, тем не менее можно сказать, что определение человеческого достоинства (и вытекающих из него прав и обязанностей) требует трансцендентного понимания мира, которое также оставляет место для дальнейших экзистенциальных вопросов. «Западное представление о человечестве» — но не только оно¹⁹ — обязательно предполагает такое представление о человечестве и, следовательно, о реальности в целом.

В конечном счете, речь не идет о произвольном выборе в смысле свободного выбора из нескольких доступных вариантов. На самом деле, существует

¹⁷ Даже возможное совпадение не изменило бы фундаментально квазипрограммированную последовательность функций мозга, а лишь «разбавило» бы ее несколькими непредсказуемыми факторами.

¹⁸ «Область философии [...] можно свести к следующим вопросам: 1) Что я могу знать? 2) Что я должен делать? 3) На что я могу надеяться? 4) Что такое человек?» (Критика чистого разума, В833,1787) – В 1897/98 году французский художник Поль Гоген назвал картину с похожими фундаментальными вопросами: «Откуда мы? Кто мы? Куда мы идем?»

¹⁹ Идеологии и науки, которые говорят об активном познании нового, о солидарности или ценностях, об этике и эстетике, также указывают на трансцендентные ориентиры. Для них, как и для многих представителей западного образа жизни, эта связь в основном неизвестна или кажется несущественной. На самом деле, в противном случае индивид потерял бы себя в заранее определенной цепочке событий, а предполагаемый дух уплыл бы в постоянном потоке психологических иллюзий. Это свело бы претензии науки к абсурду и превратило бы людей в смешных марионеток.

только одна реальность, и она находится вне контроля человека. Какова бы ни была ее природа – и какими бы горячими ни были споры по поводу нее – можно с уверенностью сказать, что нет другого выбора, кроме как принять реальность такой, какая она есть: реальность – это высшая ценность, она стоит выше всего остального: суверенитет абсолюта преобладает.

Множественные потрясения: между эволюцией и революцией

На первый взгляд, описанная выше концепция Запада представляется смутно сконструированной моделью общества, которая больше происходит из области политических и религиозных утопий, чем из реальности. Поэтому суть критики заключается в следующем: если описанная концепция человека с достоинством, правами и суверенитетом *действительно – в реальности* – соответствует его природе, и если, следовательно, вытекающий из нее свободный социальный порядок является правильной концепцией, почему он не преобладал на протяжении всей истории, а вместо этого так часто борется за выживание?

На первый взгляд, это возражение кажется оправданным; действительно, оно кажется очевидным, если посмотреть на историю и современность. В то время как путь науки был относительно прямым, подвергаясь лишь спорадическому влиянию религии и политики, поиск жизнеспособной формы общества кажется изменчивым и порой дезориентированным. Почему этот путь так труден?

Ответ кроется в различных пробелах, неудачах, упорстве и противоположных тенденциях, которые в целом можно обобщить как сбои. Они имеют различные пространственно-временные, социальные и культурные измерения и могут усиливать друг друга.

- Временные сбои: Хотя зачатки либерального конституционного государства можно найти во всех культурах, развитие такого государства, несмотря на ранние попытки, например, в Древней Греции, является сравнительно современным явлением, которое не имело широкой поддержки среди населения. Только в XIX и XX веках, когда граждане открыли для себя свои права и суверенитет, идея прав человека и демократии получила распространение – с хорошо известными препятствиями и неудачами.
- Пространственные сбои: в то время как западные ценности смогли утвердиться в одной части мира, традиционные системы сохранили свой статус в других частях. Это может быть связано с недостаточным осознанием собственного суверенитета, так что можно говорить о недостатке просвещения в отношении

собственной зрелости. В то же время это естественное развитие замедляется политическими или религиозными силами.

- Хронологические сбои: хотя осознание собственного суверенитета является составной частью человеческого существования, в истории неоднократно возникали реставрационные и реакционные движения, которые ставили под сомнение ценности, которые когда-то были так кропотливо достигнуты (). Несмотря на то, что западные ценности – и сопутствующее им процветание – приобрели глобальную привлекательность, историческое развитие ни в коем случае не является автоматическим. Наиболее значительным отступлением на сегодняшний день был период фашизма в Европе, особенно национал-социализма в Германии.²⁰
- Личные потрясения: привязанность к либеральным демократиям может ослабевать на различных уровнях и превращаться в противоположное, как среди обычных граждан, так и среди политических лидеров. Даже недовольство социальными, экономическими или политическими событиями может привести к отказу от самых фундаментальных основ человеческого сосуществования, что всегда сопровождается опасностью общего социального спада.
- Культурные потрясения: Взгляд на общества, которые считают себя свободными и демократическими, показывает, что даже в пределах национальных границ существуют разные мнения о том, какие фундаментальные ценности должны лежать в основе государства. Речь идет не о отдельных законах и политических направлениях, которые затем должны быть решены в рамках демократического процесса, а о фундаментальных вопросах этики, политики, религии и культуры. Даже между странами существуют более или менее значительные различия в понимании демократии и свободы.²¹

²⁰ Социолог Юрген Хабермас описывает демократическую перестройку, начавшуюся в послевоенной Германии, как «экономический и политический, а позднее в некоторой степени также культурный процесс, который [станет] необратимым только после того, как культурная вестернизация проникнет в менталитет всего населения» (в интервью с Барбарой Фрейтаг в июле 1989 года).

²¹ Конечно, истинное понимание общества личностного достоинства и свободы не отражается в средних возрастных группах с средними доходами, которые твердо стоят на земле. Напротив, реальные ценности отражаются в положении молодежи, пожилых людей и социально незащищенных групп, а также в условиях тюрем, вооруженных сил и других учреждений и органов власти, которые могут влиять на личностную суверенность.

- Стратегические потрясения: защита свободного мира от экспансионистских и авторитарных сил и обеспечение собственного существования — военные базы, сырье, союзники — неоднократно приводит к стратегическим союзам с государствами, внутреннее устройство которых противоречит собственным ценностям. Моральная дилемма очевидна и может привести к опасному безразличию как среди граждан, так и среди политиков.²² Это может создать впечатление равенства и легитимного постоянного сосуществования.

Если понимать открытие и реализацию либеральных и демократических принципов, основанных на верховенстве закона, как постепенное развитие с различными предпосылками в разных культурах, то следует с самого начала ожидать таких различий. Несмотря на то, что на протяжении истории неоднократно происходили революционные движения от диктатур к демократиям, исторический процесс, тем не менее, носит эволюционный характер.

Геополитика и видение

Если предположить, что описанная выше концепция человечества в рамках мировоззрения, открытого для трансцендентности, действительно соответствует реальности, то можно предположить, что, несмотря на возможные неудачи, в долгосрочной перспективе идея либерального и демократического государства возобладала на протяжении всей истории. Это наблюдение можно было сделать уже в XX веке, когда стало ясно, что достоинство и свобода личности не являются просто философской концепцией, а соответствуют сознанию многих людей во всех частях мира.²³ Фактически, в 1990-е годы были запущены многочисленные демократические процессы и мирные инициативы, что побудило некоторых исследователей предсказать появление «глобальной внутренней политики»²⁴, которая постепенно разрешит международные конфликты. Однако с геополитической точки зрения образ сообщества государств, которые сейчас движутся к демократическому сообществу в своем собственном темпе и на своих условиях, был превзойден противоположной

²² Стратегический принцип *«враг моего врага — мой друг»*, известный уже тысячелетиями, может быть стратегически оправдан в экзистенциальных чрезвычайных ситуациях, но он не может заменить этические основы (властных) политических решений.

²³ Философ Фрэнсис Фукуяма говорил о «конце истории» еще в 1989 году, когда люди во всем мире требовали своих прав и суверенитета, и это стало очевидным универсальным требованием.

²⁴ См. сноску 4.

реальностью. Потому что наряду с государствами «свободного мира»²⁵ существует и существовал ряд диктаторских режимов, основной целью которых является удержание власти или реализация политической или религиозной идеологии и которые противостоят западному миру, объединяясь, если это необходимо. Возможно, они тайно подозревают, что рано или поздно появится, да и должен появиться, путь к свободе, но они сопротивляются этому пониманию и вытекающим из него последствиям. В конечном итоге, они сопротивляются реальности, которой невозможно сопротивляться.

Противоположные принципы: «Два мира»

На международной политической арене²⁶ существует значительный конфликт между авторитарными и свободными государствами, который по своей сути является асимметричным. Причина заключается в противоположных взглядах на социальное сосуществование.

В демократическом мире государство существует ради своих граждан. Его единственное оправдание заключается в том, чтобы дать людям возможность жить достойно и по возможности предотвратить любые посягательства на их суверенный образ жизни. В свободном обществе государство должно оправдывать свои действия и доказывать, что более строгие ограничения необходимы и не имеют альтернативы. Не гражданин должен оправдывать свою свободу, а государство должно оправдывать свои вмешательства.

В авторитарных и тоталитарных государствах этот принцип обратен: государство и его политическое руководство являются суверенными, будь то по религиозным, политико-идеологическим или личным мотивам. Индивидуум, если о таком еще можно говорить, подчиняется этой рациональной причине во всех отношениях. Конечно, есть постепенные различия: «мягкие» диктатуры могут не трогать экономическую и социальную деятельность и преследовать только политическую критику, в то время как тоталитарные режимы хотят произвольно контролировать мысли людей и само их существование. В конце концов, однако, индивид бессилен против правящего режима; он не может требовать ни прав, ни достоинства, его свобода действий дается ему сверху и может быть

²⁵ Этот альтернативный термин также имеет историческую нагрузку — со времен конфликта между Востоком и Западом.

²⁶ Метафорический термин вызывает ассоциации с пьесой, но они кажутся циничными, поскольку миллионы людей теряют жизнь и достоинство, а многие миллиарды страдают от политических, социальных и экономических последствий. Уничтожение ресурсов происходит в глобальном масштабе и в конечном итоге оставляет свой след практически на всех жителях планеты.

ограничена или отменена в любой момент. Экзистенциальный риск сопровождает всю их жизнь и деформирует социальное сосуществование — а иногда и индивидуальные личности — до мельчайших деталей. Рациональное государство — выживание режима — доминирует и влияет на все сферы человеческого существования.²⁷

Международный уровень

Эта приоритетная задача авторитарных государств находит свое отражение на международном уровне: все усилия направлены на обеспечение существования и власти правящего режима, а все другие политические или идеологические цели подчиняются этой задаче. Поскольку приоритет сохранения власти уже означает, что права человека и экологические или культурные ценности ограничиваются, игнорируются или борются внутри страны, эти ценности также не имеют значения для международных отношений диктатуры — за исключением пропаганды в борьбе с реальными или предполагаемыми угрозами режиму.

Непосредственная опасность для авторитарных систем исходит от их равных: поскольку они не уважают ни суверенитет своих граждан, ни суверенитет других государств, не существует обязательных правил, регулирующих взаимные отношения: действует принцип силы — внешнее насилие всегда направлено на обеспечение существования режима. На международном уровне царит закон джунглей — для выживания необходима военная сила. В атмосфере недоверия союзы часто бывают ненадежными, а собственное существование постоянно находится под угрозой.

Фундаментальной — внутренней — опасностью для репрессивных режимов являются их собственные граждане, которые могут сопротивляться угнетению и требовать своих индивидуальных и политических прав. Хотя демократические государства в принципе поддерживают угнетенные народы и защищают их права на международном уровне, они обычно ограничивают свою деятельность выражением солидарности и принятием резолюций. Активная помощь, которая также предполагает силовое вмешательство, может быть оказана только в крайних исключительных случаях.

Хотя свободный мир может формировать альянсы для защиты от военных атак диктатур, возможности оказания помощи угнетенным народам остаются ограниченными. Демократические государства, как правило, избегают использования военной силы или политического давления,

²⁷ В действительности эти термины относятся к трудовым и исправительно-трудовым лагерям, центрам пыток, угнетению и зверствам невообразимых масштабов: они являются самыми глубокими экзистенциальными безднами.

поскольку полагаются на переговоры, взаимопонимание и добрую волю. Кроме того, всегда существует риск, что иностранное вмешательство будет встречено скептицизмом со стороны населения, что вынудит политических лидеров отозвать свою поддержку. С каждым новыми выборами существует вероятность, что политические настроения изменятся и даже исторические альянсы прекратят свое существование.

Открытость к изменениям и зависимость политического руководства от воли суверенных граждан являются центральной характеристикой свободных обществ. В то же время эта прозрачность и открытость представляют собой уязвимое место для оси авторитарных государств.

Поэтому они пытаются манипулировать общественным мнением и поведением избирателей с помощью политической пропаганды на всех уровнях и бросают вызов соответствующим обществам с помощью контролируемых кризисов. Средства варьируются от преднамеренного распространения ложной информации до создания миграционного давления на внешних границах, военных провокаций и нападений. К этому добавляется постоянное давление на отдельных граждан и организации, которые противостоят авторитарной оси, делая их мишенью для СМИ или физического насилия. В конечном итоге цель состоит в том, чтобы дестабилизировать демократические государства с помощью широкого спектра действий на всех уровнях, тем самым удерживая их от их приверженности делу сохранения и продвижения глобальной свободы.

Даже среди политиков осознание этих факторов власти и влияния довольно ограничено. Вера в стремление авторитарных государств к мирному сосуществованию и их потенциальному демократическому развитию более привлекательна, чем безжалостный анализ политической ситуации.²⁸ Кроме того, принципы свободного мира – *глобального Запада* – постоянно неправильно понимаются и размываются.

²⁸ Ссылка на якобы «мирное сосуществование» во время холодной войны обманчива, и не только с учетом конфликтов, которые имели место в то же время. Хотя ядерная патовая ситуация между сверхдержавами сделала невозможным прямое военное противостояние, по-настоящему мирное сосуществование стало возможным только после перемен в Советском Союзе и потрясений в Восточной Европе. Таким образом, такое вынужденное сосуществование может быть только временным, таким же временным, как вынужденное внутреннее сосуществование между диктаторским правительством и его угнетенными гражданами.

Аксиомы Запада

В отличие от светских и религиозных идеологий, Запад характеризуется определенной степенью воздержания: ему не хватает эсхатологических парадигм, сценариев экономического планирования и утопических социальных моделей. Обещание жизни в свободе и достоинстве кажется практически лишенным содержания. На самом деле речь идет о нескольких фундаментальных аспектах и структурах²⁹. Свобода Запада также имеет аксиоматическое измерение:

1. Суверенитет абсолюта: открытое трансцендентное основание

Этот взгляд на реальность является необходимой основой для понимания человеческой природы, а также политической и научной деятельности. Только на этой основе можно обсуждать дальнейшие экзистенциальные аспекты с различными идеологическими и религиозными отсылками. Свободный и открытый дискурс без идеологических ограничений является неотъемлемой сутью Запада.

2. Суверенитет личности: право формировать свою жизнь

Человеческая природа и достоинство основаны на трансцендентном понимании реальности. Этот взгляд на человечество дает начало фундаментальным правам человека, которые гарантируют индивидуумам суверенное право формировать свою жизнь. Эта экзистенциальная суть человеческого существования принципиально не подлежит сомнению: суверенитет личности незыблем даже в демократических решениях.

3. Народный суверенитет: общество само решает свои вопросы

Политические нормы сообщества должны иметь демократическое происхождение, т. е. они должны основываться на выборах и референдумах. Развитие общества является принципиально открытым. Народный суверенитет отражает суверенитет личности на государственном уровне — оба суверенитета взаимозависимы: так же как индивидуальная свобода раскрывается в политическом участии, демократия основана на политически зрелых — и, следовательно, свободных — гражданах.

²⁹ Речь идет не о бюрократии, которая вполне возможна в свободном конституционном государстве со всеми ее преимуществами и недостатками, а об отказе от идеологического «программирования» людей.

4. Солидарность через ценности вместо организации интересов

В отличие от авторитарных государств, которые объединились на основе субъективных интересов, которые могут быть противоречивыми и изменчивыми, интеллектуальная основа Запада основана на трансцендентной концепции, в которой ценности и достоинство не подлежат обсуждению, а закреплены в более глубокой объективной реальности и, следовательно, действительно имеют значение (). На международном уровне этот философский контраст должен привести к солидарности между западными странами, которая никогда не подвергается сомнению, даже перед лицом самых сильных политических разногласий. Это также включает в себя совместную борьбу против авторитарной экспансии.

5. Геополитическое видение: универсальный Запад

Проект Глобального Запада является универсальным проектом, который с этической точки зрения может оправдать сосуществование с авторитарными государствами только на переходной основе. Если принять действительность универсального человеческого достоинства и прав как основу всех обществ, то игнорирование их является злом, которое необходимо преодолеть. Авторитарные системы *по своей природе* неспособны к устойчивому существованию и поэтому имеют только ограниченное существование, поэтому Универсальный Запад является неотъемлемой частью Запада³⁰, которую невозможно отделить от его сущности.

Из-за отсутствия демократической подотчетности перед народом — в конечном счете из-за противоречия философским основам реальности — *авторитарные правительства в лучшем случае имеют ограниченный суверенитет из-за отсутствия взаимности.*³¹

Настоящая реальная политика, т. е. политическая позиция, которая всегда рассматривает *человеческое состояние* как основу для действий наряду с геостратегическими условиями, никогда не должна забывать об этих связях. Поэтому она может процветать только на основе принципов, представленных здесь как аксиомы Запада, как бы они ни назывались в далеком будущем.

³⁰ В отличие от глобализации экономики и коммуникационных технологий 1990-х годов, сейчас мы наблюдаем глобализацию человеческого достоинства в контексте философски обоснованного мировоззрения. Речь идет отнюдь не о единой культуре, за которой должно исчезнуть этническое разнообразие человечества.

³¹ В исключительных ситуациях, таких как свержение диктатуры, легитимность правительства может временно возникнуть вне демократических процессов. Однако в любом случае и в любое время суверенитет личности должен иметь наивысший приоритет.

Эпилог: три максимы на ближайшие четверть века

После обнадеживающих первых лет после окончания конфликта между Востоком и Западом, которые пролили хотя бы слабый свет практически на все уголки земного шара, с начала нового тысячелетия международная обстановка во многих регионах ухудшилась.

На международном уровне системный конфликт прошлого века вернулся в измененной форме: ось репрессивных режимов, связанная с сетью авторитарных или безразличных государств, поставила перед собой цель создать контрдвижение свободному миру и постепенно вытеснить его.

Перед лицом этого исторического вызова глобальный Запад долгое время придерживался оборонительных стратегий и игнорировал растущую опасность авторитарной волны: в военном, политическом и философском плане. Эрозия имеет две стороны: с одной стороны, в нескольких государствах появляются авторитарные тенденции, а с другой — взаимное сотрудничество, в том числе военная солидарность, находится под серьезной угрозой.

В этом историческом испытании необходимо фундаментальное возвращение к основам либерального движения, но еще больше — уверенность в том, что свободное общество, угрожаемое репрессивным агрессором, не сдастся без боя. Сила свободы имеет свои корни за пределами политических манипуляций и военных репрессий: история показала и покажет, что в конечном итоге она возобладает и утвердится. Концепция свободного мира однажды исчезнет, но не потому, что авторитарные системы подавили ее, а потому, что ее необходимая противоположность, репрессивная волна, надеюсь, отступит в недалеком будущем.

Вызовы на ближайшие десятилетия можно свести к трем основным принципам

1. Возвращение к философским основам свободы и достоинства человека и их политическим последствиям

Философская корректность XX века во многих случаях сменилась безразличием и релятивизмом. Учитывая огромное разнообразие мнений практически по всем аспектам жизни, даже обычные повседневные политические вопросы часто становятся огромными вызовами. Это делает поиск основ свободного мира сегодня еще более бесполезным, потому что он затрагивает философские или теологические аспекты, которые можно терпеть, но о которых, безусловно, не следует обсуждать. Поскольку это уныние неизбежно приводит к отсутствию перспективы и, следовательно, к кризису смысла, именно с этого мы и должны начать.

Достоинство личности как отправная точка для всего свободного индивидуального и государственного существования обязательно предполагает трансцендентное понимание реальности. Это основание должно – по крайней мере, в своих центральных аспектах и последствиях – быть поставлено в центр политической деятельности и, в некоторой степени, также в сознание людей, которые в конечном итоге черпают из него свое существование.

2. Геостратегическая ориентация и взаимная безопасность свободного мира как ответ на неопределенности внутри его сообщества

В либеральных демократиях естественно существует риск того, что страна выйдет из альянса свободного мира в *политическом* или *военном* плане или поставит его под сомнение. Такие перемены необходимо предвидеть и превентивно противодействовать им на всех уровнях.

Как суверенный народ, в любой момент может проголосовать за результаты, которые ослабляют существующий альянс ценностей. Однако *отдельные демократии сами по себе* должны быть институционально защищены от своей собственной ликвидации (). Желательна еще большая защита в рамках альянса государств.

Свободный мир как союз ценностей должен, в свою очередь, вооружиться против угрозы безопасности, которая возникнет в случае исчезновения одного центрального и/или нескольких меньших гарантов безопасности. Помимо геостратегически значимого национального резерва, для этого также требуется архитектура безопасности, которая была бы максимально устойчивой и не подверженной влиянию национальных самостоятельных усилий, а также способной в максимально возможной степени сдерживать атаки со стороны авторитарной сети.

3. Последовательная и устойчивая приверженность свободному миру на международном уровне, осознавая историческую победу свободы

Цель взаимной безопасности заключается не только в защите суверенитета отдельных государств в узком смысле *национальных интересов*, но и в сохранении исторических достижений свободного мира — по возможности без сбоев — и в реализации всеобщего права на основные права человека. Поэтому защита глобального Запада в конечном итоге всегда находится в морально оправданных национальных интересах.³²

³² Политика, основанная на правах человека и фундаментальных ценностях, не может закрывать глаза на голод, лишения и угнетение, равно как и утверждать, что конфликты не являются «национальным интересом», который необходимо разрешить. Как на практике выглядят собственные варианты действий, это, конечно, совсем другой вопрос.

Поэтому государствам глобального Запада было бы целесообразно последовательно расширять и укреплять свободный демократический порядок в своих странах, чтобы не дискредитировать идею свободы своими недостатками.

На внешней арене они должны четко и недвусмысленно демонстрировать свое неприятие авторитарной парадигмы. На философском уровне существование диктатур является оскорблением абсолюта³³. Их власть и их достижения являются относительными, их идеология, насколько она ощутима, является *ложной философией*, чья долгосрочная судьба предопределена: она закончится полным ничтожеством. Вся слава их правителей однажды превратится в прах перед лицом истины – за исключением тех лидеров, которые осмелятся изменить курс.

Упомянутые максимы не являются утопической или фундаменталистской программой, они не отвергают дипломатию, геостратегию и *реальную политику*³⁴. Они призывают сначала к последовательному, а не половинчатому возвращению к традициям, а затем к защите от неопределенностей, которые становятся все более очевидными в XXI веке. Тот факт, что конечной целью является универсальность прав человека – и ничего другого, что означает свободный мир для всех или *универсальный Запад* – не должен больше подвергаться сомнению в отношении деклараций прав человека последних трехсот лет.³⁵

³³ Трудно найти более лаконичный способ описать нереальность режимов, которые находятся в состоянии фундаментальной теоретической и практической дезориентации.

³⁴ Реальная политика здесь понимается не как оппортунистические политические маневры, а как комплексный политический стиль, осознающий реальность — в том числе трансцендентную — и ее последствия.

³⁵ Всеобщая декларация прав человека 1948 года говорит о человеческом достоинстве, в то время как ее американские и французские предшественники говорят о неотъемлемых правах, каждое из которых подразумевает позитивистскую основу.

© Исследовательский проект «20 век» – Философия глобального
Запада

Дополнительная информация и контакты:

Исследовательский проект «20 век»
www.20th-century.net

Философия глобального Запада
www.theglobalwest.com

 www.steff.international/CONTACT/

- Версия 1 / 2026 -